

УДК 947(470.57)

DOI: 10.31040/2222-8349-2022-0-2-109-115

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ БАШКИРИИ В 1921–1922 гг.

© Ш.Н. Исянгулов

Рассматривается проблема эвакуации детей из Уфимской губернии и Малой Башкирии в другие регионы страны во время голода 1921–1922 гг. Вопрос о реэвакуации детей в республику не затрагивается. Анализ научной литературы показал, что в историографии существует три точки зрения относительно количества эвакуированных детей в указанный период. В то же время в источниках чаще всего фигурировала цифра в 11 859 человек. С учетом пропущенных лиц всего было эвакуировано более 13 тысяч детей. Эвакуация происходила в два этапа: в сентябре 1921 – январе 1922 г., после чего была приостановлена из-за отсутствия средств, затем возобновлена в мае 1922 г. 4 июня 1922 г. эвакуация детей была полностью прекращена по указанию Москвы. География мест назначения эвакуированных детей была разнообразной. Осенью 1921 г. детей отправляли в Сибирь, Дальний Восток, Средний Урал, Закавказье, Туркестан. С декабря 1921 г. стало доминировать западное направление эвакуации (Украина, Белоруссия, западные губернии России). Эвакуация детей была сопряжена со многими проблемами организационного, финансового, материально-технического, транспортного и другого характера. Нехватка одежды, обуви, обмундирования, продовольствия сдерживала этот процесс, приводила к большой заболеваемости и смертности детей в пути, особенно в первоначальный период. В пунктах прибытия в большинстве случаев ничего не было подготовлено для приема детей. Тяжелое положение эвакуированных детей отмечалось в Псковской, Смоленской, Алтайской губерниях, Чернигове, Туркестане, Батуме, Тифлисе. В Сибири и западных губерниях нередко эвакуированных детей раздавали крестьянам. В частности, в Псковской губернии дети раздавались крестьянам принудительно, без всякого различия пола, возраста и национальности на определенный и неопределенный срок, лишь иногда по договорам. В лучшем положении оказались дети, эвакуированные в Дальневосточную республику. В целом устройство быта детей на новом месте было сопряжено со многими трудностями.

Ключевые слова: эвакуация, голод, дети, Уфимская губерния, Малая Башкирия.

Одним из способов борьбы с беспризорностью детей в период голода 1921–1922 гг. стала их организованная эвакуация из Малой Башкирии и Уфимской губернии в благополучные регионы страны.

В научной литературе существует несколько точек зрения, касающихся численности эвакуированных из региона детей. Так, в работе, увидевшей свет уже в 1922 г., отмечалось, что с 1 июня 1921 по 1 сентября 1922 г. из Уфимской губернии было эвакуировано 10 700 детей, из Башкирской республики – 3000, всего 13 700 человек [1, с. 468]. Однако в той же работе приводятся и другие цифры: эвакуировано соответственно из обоих регионов 11 278 и 3000, всего 14 278 детей [1, с. 196, 269]. В другой работе, вышедшей к 10-летию юбилею революции, называлась цифра в 11 859 человек, вывезенных в благополучные районы [2, с. 146]. Однако в 1950-е гг. в научной литературе утвердилась следующая точка зрения:

в 1921–1922 гг. было эвакуировано 25 тыс. детей [3, с. 245; 4, с. 197 и др.]. В то же время в литературе встречаются и вовсе фантастические сведения. Так, И.Б. Цилюгина пишет, что в 1921 г. «более 300 тысяч голодающих башкирских детей было вывезено в Брянск, Гомель, Минск, Конотоп, Читы, Ташкент, Самарканд, Семипалатинск и другие города» [5, с. 28]¹.

Источником для утверждения о 25 тысячах эвакуированных детей явилась будто бы публикация в газете «Известия БашЦИК» от 31 января 1922 г. Тщательный поиск данной информации в этом и других номерах газеты не принесли никаких результатов. Да и таких цифр в начале 1922 г., когда эвакуация детей только начиналась,

¹ Возможно, в книге допущена техническая ошибка и имелось в виду 30 тысяч детей. Однако и эти цифры далеки от реальности.

в принципе быть не могло. Поэтому установившуюся в региональной историографии точку зрения об эвакуации 25 тыс. детей из Уфимской губернии и Малой Башкирии в другие регионы следует считать неточной и ошибочной. Как видно, тема эвакуации голодающих детей из Башкирии в 1921–1922 гг. изучена в исторической науке совершенно неудовлетворительно.

Как и в литературе, так и в источниках имеются разные цифры о том, сколько же детей было эвакуировано из Большой Башкирии. В частности, газета «Известия Башкирской областной комиссии помощи голодающим» в сентябре 1922 г. сообщала, что из Малой Башкирии и Уфимской губернии было эвакуировано до 12 тыс. детей [6, с. 111]. В конце 1922 г. уполномоченный ВЦИК по улучшению жизни детей в Башкирии Я.Р. Савельев отмечал, что за пределами республики находится 11 тыс. детей [6, с. 134; 7, с. 42]. Эту же цифру на III Всебашкирском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1922 г., озвучил нарком просвещения республики А.К. Адигамов [8, с. 76]. По сведениям Наркомата просвещения республики на конец 1926 г., всего было эвакуировано 11 859 детей [9]². Данная цифра (очевидно, неточная и неокончательная) фигурировала и в других источниках, и, в конце концов, стала в Башкирии официальной [6, с. 282 и др.].

В то же время в архивных и опубликованных источниках, о чем было уже сказано, фигурирует цифра 13 700 эвакуированных детей. В частности, в документах фонда Деткомиссии ВЦИК утверждается, что в 1921–1922 гг. из Уфимской губернии было эвакуировано 10 700 детей, из Башкирской республики – 3000 [10, л. 34, 37]. Эти цифры и вошли в опубликованную работу [1, с. 468]. Таким образом, источники противоречивы в вопросе численности эвакуированных детей, и варьируют в пределах от 11 до 14 с лишним тыс. человек, что было обусловлено плохой постановкой учета в тот период. Однако в них отсутствуют сведения о 25 или 30 тысячах детей, будто бы эвакуированных из Башкирии в 1921–1922 гг.

Эвакуация началась в сентябре 1921 г. из Уфы. В начале сентября 1921 г. на заседании комиссии ВЦИК с представителями руководства Малой Башкирии было решено эвакуировать не менее 10 тыс. детей в урожайные губернии, а детей башкир и татар – в первую очередь, в

Туркестанскую республику. Эвакуация детей из Малой Башкирии началась в октябре – ноябре 1921 г. Первоначально Наркомат просвещения республики планировал вывести за пределы региона до 20 тыс. детей. Однако из-за отсутствия теплых вещей, расстройства транспорта и других причин к концу апреля 1922 г. было эвакуировано только около 1200 детей [6, с. 74]. Так, в ноябре 1921 г. из южных кантонов республики было отправлено в Туркестан 500 детей, в том числе из г. Каргалы – 150, из них прибыло в города Полторацк, Асхабад и Мерв 400 человек [6, с. 109]. 21 ноября 1921 г. власти Башкирии приняли решение о временном прекращении эвакуации детей в другие регионы [11, с. 359]. Несмотря на это, в январе 1922 г. из Оренбурга было отправлено 350, из Челябинска – 150 человек детей [6, с. 69]. Также известно, что в ноябре 1921 г. из Челябинска в Сибирь последовал санитарный поезд, в котором оказались 175 детей из Аргаяшского кантона. 31 декабря 1921 г. из Челябинска в Барнаул – столицу Алтайской губернии – тронулся эшелон с 422 детьми из Аргаяшского кантона [12, л. 55–56]. Эвакуация детей из Малой Башкирии возобновилась весной 1922 г. В мае 1922 г. 500 детей были отправлены в Псков, 627 – в Читу. В Уфимской губернии эвакуация также продолжалась в декабре 1921 – январе 1922 г., после чего была приостановлена до весны (табл. 1).

География мест назначения эвакуированных детей была разнообразной. Осенью 1921 г. детей отправляли в основном в Сибирь, меньше – в Средний Урал и Закавказье. Однако с декабря 1921 г. стало доминировать западное направление эвакуации (Украина, Белоруссия, Смоленская губерния, Псков и др.).

В приведенных в таблице сведениях, скорее всего, в первую очередь учтена эвакуация из Уфимской губернии. А сведения об отправке детей из Малой Башкирии до конца апреля 1922 г. вообще не включены в данную отчетность. В частности, отсутствуют данные об эвакуации детей в Туркестан и Сибирь в ноябре – декабре 1921 г. С учетом этих сведений, выходит, что организованно из Малой Башкирии и Уфимской губернии в 1921–1922 гг. было эвакуировано примерно 13,7 тыс. детей, что соответствует опубликованым еще в тот период материалам [1, с. 468].

Однако 27 мая 1922 г. комиссия ВЦИК по улучшению жизни детей решила прекратить эвакуацию детей из голодных губерний. В Уфимской губернии и Малой Башкирии эвакуация была прекращена с 4 июня 1922 г.

² Очевидно, эти сведения и вошли в книгу «Десять лет. Советская Башкирия к 10-й годовщине Октябрьской революции» (Уфа, 1927).

Эвакуация детей из Большой Башкирии в сентябре 1921 – июне 1922 г.

Дата отправления поезда	Место назначения	Количество эвакуированных детей	Примечание
22.09.1921 г.	Семипалатинск	972	
12.10.1921 г.	Томск, Новониколаевск	502	
18.10.1921 г.	Иркутск	534	
18.10.1921 г.	Екатеринбург	150	
17.11.1921 г.	Тифлис	479	
27.11.1921 г.	Семипалатинск	707	
10.12.1921 г.	Гомель	560	
05.01.1922 г.	Новониколаевск	566	
06.01.1922 г.	Кременчуг, Хорол	565	
30.04.1922 г.	Полтава	900	
08.05.1922 г.	Псков	974	500 детей – Малая Башкирия, 474 – Уфимская губерния
15.05.1922 г.	Чита	1088	627 – Малая Башкирия, 461 – Уфимская губерния
17.05.1922 г.	Конотоп, Чернигов	1006	
27.05.1922 г.	Гомель, Рославль	1018	
04.06.1922 г.	Минск, Винница	1062	
		Всего 11 083	

Примечание. Составлена по: [6, с. 83, 101].

Объективно, эвакуация детей была сопряжена со многими проблемами организационного, финансового, материально-технического, транспортного и другого характера. Она требовала значительных организационных мер со стороны властей. Для этих целей назначались специальные уполномоченные и воспитатели, которые сопровождали детей в пути следования поездов, сдавали их соответствующим органам в пункте назначения, нередко подолгу занимались обустройством быта эвакуированных на новом месте. Уполномоченный Башкирской республики в Аргаяшском кантоне Абдулкадыров признавался в своем отчете: «...Нелегко вымыть до 400–500 детей в малюсеньких банях, чистить, составить бесконечные карточки, списки и т.п. Многие дети не знают своих фамилий, даже имен. Приходилось даже многим детям давать новые имена и регистрировать сызнова» [12, л. 56].

Транспортировка детей в условиях разрухи и голода было сопряжена с большими трудностями. Особенно плохо организованы были первые рейсы осенью 1921 г. Не выдерживался предварительный карантин, при посадке в поезд медицинские обследования детей производи-

лись поверхностно. Дети нередко снабжались одеждой и обувью из ресурсов Уфимской губернской комиссии помощи голодающим лишь на 10–25%. Так, санитарный врач поезда № 1029, следующего в Гомель, докладывал об условиях эвакуации детей в декабре 1921 г. в 25-градусный мороз, когда отдел народного образования отправлял их в одном нижнем белье. Благо, в поезде детям выдали одеяла [6, с. 100]. Эвакопоезда должны были получать продовольствие из центра. Однако его было обычно недостаточно. В свою очередь на время следования в пути питанием и одеждой дети должны были обеспечиваться местными детскими учреждениями, чего также не происходило. Поэтому нередко губернская и республиканская комиссии помощи голодающим были вынуждены снабжать поезда из своих средств, урезая тем самым пайки остального голодающего населения. Так, санитарный поезд, отправившийся из Челябинска в Сибирь 31 декабря 1921 г., имел запас продуктов на 20 дней, ботинок и белья на 300 человек (71% от необходимого количества). Уполномоченный республики Абдулкадыров из отпущенных ему средств сумел купить еще 20 валенок, а Аргаяшская кантонная комис-

сия помощи голодающим выдала ему продовольствия еще на 15 суток [12, л. 56].

Нехватка продовольствия, обмундирования, белья приводили к высокой заболеваемости и смертности детей в пути следования. Так, в первом поезде из Уфы в Семипалатинск (сентябрь 1921 г.) заболеваемость детей составила 45%, смертность – 15% [6, с. 99]. По данным уполномоченного Галиевой, при эвакуации детей из Оренбурга в Ташкент в ноябре – декабре 1921 г. в пути умерло примерно 80 детей из 360 (22.2%) [13]. По другим сведениям, из-за долгого нахождения детей в г. Оренбурге погибло от скопления, холода и голода 350, а по пути в Ташкент – 50 детей [11, с. 359].

Недостатки первых рейсов попытались устранить путем усиления врачебного контроля при посадке. Так, в последующих рейсах из Уфы, по данным врача Л.А. Василевской, заболеваемость в пути снизилась от 6.6 до 9.6%, смертность – до 2% [6, с. 99]. По дороге из Аргаяша в Барнаул (декабрь 1921 – январь 1922 г.) в поезде умерло 13 детей, что составило 3.1% [12, л. 56].

Одна из сопровождающих детей из Стерлитамака в Псковскую губернию в мае 1922 г. С. Иванова докладывала: «В Уфе детей вымыли в бане и пересадили в санитарный поезд № 2. Положение детей во время следования поезда было удовлетворительное. Дети имели мягкие тюфяки, подушки и теплые одеяла. Каждое утро их осматривали сестра милосердия и доктор. Кормили детей три раза в день: утром – чай с пшеничным хлебом и сахаром, в обед и ужин – мясной суп и каша с маслом. По средам кроме сахара два раза давали по куску шоколаду, а в Москве в продолжение 5 дней вместо чая давали какао с американским молоком» [7, с. 32]. Однако положение с одеждой было хуже: «Все дети босые и на них одни рубашки; как исключение на некоторых мальчиках, кроме рубашек – кальсоны». Лишь в Москве дети получили 150 пар ботинок, отпущенных Международным союзом помощи детям. Однако даже при таких относительно благоприятных условиях за все время рейса из этого поезда убыло 111 детей, в том числе умерло – 2, сбежало – 65, оставлены в изоляционных пунктах – 24 и т.д. [6, с. 124–125; 7, с. 29–30]. Врач Л.А. Василевская сообщала, что «поезда снабжаются продуктами на весьма короткий срок», хотя продвигаются очень медленно [6, с. 99].

В пунктах прибытия зачастую ничего не было подготовлено для приема детей. Тяжелое

положение эвакуированных детей отмечалось в Псковской, Смоленской, Алтайской губерниях, Чернигове, Туркестане (Ташкенте), Батуме, Тифлисе.

Весьма плачевным было положение эвакуированных детей на юге Туркестана: оборудованные помещения отсутствовали, не было одежды, обуви, постельного белья. Местная власть относилась к детям отрицательно. Последние страдали от малярии. Среди них наблюдалась высокая смертность. Поэтому летом 1922 г. они были перевезены в г. Ташкент [6, с. 108–110]. Однако и в Ташкенте положение детей оставалось крайне тяжелым. К лету 1922 г. из 400 детей в живых оставалось около 70 человек.

В апреле 1923 г. эвакубюро Деткомиссии ВЦИК сообщало, что эвакуированные из Белебеевского уезда Уфимской губернии в Абхазию 70 детей «находятся в плохих условиях... ничему не обучаются и кроме того большинство из них страдают от малярии» [14, л. 135].

В весьма трудном положении оказались дети и в Псковской губернии. В конце мая 1922 г. в города Великие Луки и Торопец Псковской губернии из Уфы прибыло 715 детей и 16 сопровождающих (в Москве часть детей была направлена в Минск). Здесь им объявили, что губерния «не в состоянии прокормить такого числа детей – беженцев, так как своих детей много, потому придется вновь прибывших раздавать в дети местным жителям». Неожиданно эвакуированные детдомовцы, особенно старшего возраста, выступили против, всячески сопротивлялись этому мероприятию. В г. Великие Луки с большим трудом было роздано крестьянам до 30 детей от 8 до 12 лет. 120 детей было направлено в Новоржевский уезд, где также розданы местным жителям [7, с. 32–33]. Дети раздавались крестьянам зачастую принудительно, без всякого различия пола, возраста и национальности на определенный и неопределенный срок, иногда по договорам. Однако и после истечения срока договора дети обратно от крестьян не принимались и принудительно оставлялись на прежнем месте. Контроля за положением детей в семьях крестьян местными властями организовано не было. С 19 августа по 1 сентября 1922 г. положение детей в Псковской губернии проверял уполномоченный республики М. Курбангалеев. Он отмечал их тяжелое положение в семьях: «дети поголовно (за исключением нескольких счастливых) голые, босые, грязные и

страдают от чесотки и от других кожных болезней, одетые в тех одеждах, в которых они прибыли». О снабжении их зимней одеждой и обувью никто не заботился. Крестьяне же отказывались их одеть и обуть. В семьях крестьян дети обычно пасли скот, гусей, девочки ухаживали за маленькими детьми хозяев. Более того, за детский труд местные органы принимали с крестьян хлеб и картофель, которые поступали на содержание детских домов. Однако в детдомах Псковской губернии эвакуированных детей из Башкирии не было. Особенно незавидным было положение детей в Новоржевском уезде губернии. Крестьяне пользовались отсутствием всякого контроля со стороны местных властей и нередко башкирских и татарских детей заставляли исполнять православные обряды и обычаи. Некоторые дети забывали родную речь. М. Курбангалеев считал необходимым срочно реэвакуировать детей в Башкирию [15, с. 166–167; 6, с. 125–127; 7, с. 30–31]. В январе 1923 г. нарком просвещения Башкирии А. Адигамов сообщал, что руководство республики неоднократно ходатайствовало о сосредоточении в детдомах Псковской губернии татаро-башкирских детей. Однако положение эвакуированных не изменилось. Дети продолжали оставаться у крестьян. С наступлением зимы их положение ухудшилось: началось бегство детей самотеком на родину, увеличилась заболеваемость из-за отсутствия всякой медицинской помощи [14, л. 7]. Из 715 эвакуированных из Башкирии детей в Псковской губернии к марту 1923 г. умерло 11 (1.5%), убежало – 6 (0.8%) человек. Уполномоченный М. Курбангалеев, обследовав положение 600 детей, отобрал тех, кто находился в наихудших условиях, и в марте 1923 г. добился реэвакуации 287 детей (40.1%). К концу апреля 1923 г. в Псковской губернии оставалось еще 411 человек (57.5%) [14, л. 181–181 об.].

Совершенно иначе встречали эвакуированных детей в Дальневосточной Республике (ДВР). Так, 8 июня 1922 г. поезд привез в Читу 1000 детей, погруженных в Уфе и Златоусте. Газета «Власть труда» позже сообщала, что «немедленно же по прибытии в Читу дети были вымыты, одеты и частью направлены в детдома, частью розданы частным лицам». Часть детей была направлена в Хабаровск и Благовещенск. Питание в детских домах ДВР было хорошим: каждый ребенок ежедневно получал по 1.5 фунта хлеба, около трети фунта мяса (вначале – полфунта мяса). В месяц на содержание одного

ребенка в детдомах расходовалось 11–12 золотых рублей. В помещениях детских домов было чисто, светло, тепло. Не было недостатка в белье. Положение детей, отданных в частные руки, регулярно проверялись детбеженским отделом». К ноябрю 1922 г. только в двух случаях дети были изъяты из семей. При раздаче детей, скорее всего, учитывался и национальный момент. Так, часть детей забрали к себе проживающие на Дальнем Востоке татары. Местные власти отмечали радушное отношение к ребятам местных жителей. Многие просили разрешить им усыновить их. Несмотря на согласие центра, местные власти воздерживались от разрешения на усыновление без установления семейного положения сирот. Часть детей была роздана среди рабочих каменноугольных копей: «жизнь там скромнее, чем в городе, но и тут на условия жаловаться нельзя» [7, с. 34–36]. В конце октября 1922 г. междуведомственное совещание при уполномоченном ВЦИК по улучшению жизни детей в Башкирии отмечало, что в Дальневосточной Республике в гг. Чита, Благовещенск, Харбин эвакуированные дети находятся «в максимально хороших условиях» [6, с. 122–123; 7, с. 62–63]. Совещание постановило вынести свою глубокую благодарность общественным организациям, трудовому населению, объединенным центральным дальневосточным комитетам помощи голодающим за помощь в размещении и хорошем содержании эвакуированных детей. Комиссия выражала уверенность, что дети, «вернуть коих... в Баш-республику не представляется возможным, ...найдут на чужбине и ласку, и привет, и все необходимое для своего существования» [7, с. 36–37].

Таким образом, эвакуация голодающих детей из Уфимской губернии и Малой Башкирии происходила в два этапа: 1) сентябрь 1921 – январь 1922 г.; 2) май – начало июня 1922 г. В начале января 1922 г. она была приостановлена из-за отсутствия средств, а 4 июня полностью прекращена по указанию сверху. Анализ источников показал, что большое число эвакуированных детей из Малой Башкирии в первый период не вошло в отчетную документацию. С учетом этих данных, всего в 1921–1922 гг. было эвакуировано 13.7 тыс. человек. Транспортировка и устройство быта детей на новом месте была сопряжена со многими трудностями: нехваткой или отсутствием одежды, обуви, продовольствия, неорганизованностью или даже про-

тивом действием эвакуации принимающей стороны, сопротивлением крестьян практике принудительного частного патронирования и др.

Литература

1. Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. Сборник статей и отчетов. М.: Изд-во ЦК Помгол, 1922. 499 с.
2. Десять лет. Советская Башкирия к 10-й годовщине Октябрьской революции. Уфа, 1927. 168 с.
3. Гумеров Г.Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959. С. 239–254.
4. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период). Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1966. 643 с.
5. Цилюгина И.Б. Становление и развитие образовательных учреждений интернатного типа в Башкирии в 20–30-е годы XX века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 120 с.
6. Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. 384 с.
7. Доклад 11 декабря 1922 г. уполномоченного ВЦИК по улучшению жизни детей Башкирской Республики при БашЦИКе Якова Романовича Савельева по детскому вопросу. Уфа, 1922. 90 с.
8. 3-й Всебашкирский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12–16 декабря 1922 г. Уфа, 1923. 152 с.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 804. Л. 16 об.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 91.
11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
12. НА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 34.
13. НА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 478. Л. 8.
14. НА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 479.
15. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.

References

1. Results of the fight against hunger in 1921–22. Collection of articles and reports, Moscow, Izd-vo CK Pomgol, 1922, 499 p.
2. Ten years. Soviet Bashkiria on the 10th anniversary of the October Revolution, Ufa, Izdanie Bashkirskogo CIK, 1927, 168 p.
3. Gumerov G.H. "Bashkiropomosch" and "Bashpomgol". The October Revolution and the Birth of Soviet Bashkiria, Ufa, 1959, pp. 239–254.
4. Essays on the history of the Bashkir ASSR. Vol. II. (Soviet period), Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 643 p.
5. Tsilyugina I.B. Formation and development of residential educational institutions in Bashkiria in the 20–30s of the XX century, Ufa, Izd-vo BGPU, 2010, 120 p.
6. Children's homelessness in the Southern Urals in the 1920s: A collection of documents and materials. Suleimanova R.N. (ed.), Ufa, Gilem, Bashkirskaya Enciklopediya, 2013, 384 p.
7. Report on December 11, 1922 of the Commissioner of the Central Executive Committee for the Improvement of the lives of children of the Bashkir Republic under the Central Executive Committee Yakov Romanovich Savelyev on the children's issue, Ufa, 1922, 90 p.
8. 3 All-Bashkir Congress of Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies December 12–16, 1922, Ufa, 1923, 152 p.
9. The National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-798. R. 1. D. 804. S. 16 verso.
10. State Archives of the Russian Federation. F. R-5207. R. 1. D. 91.
11. Narskij I.V. Life in a disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922. Moscow, ROSSPEN, 2001. 632 p.
12. The National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-101. R. 1. D. 34.
13. The National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-629. R. 1. D. 478. S. 8.
14. The National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-629. R. 1. D. 479.
15. Smirnova T.M. Children of the Soviet Country: From public policy to the realities of everyday life. 1917–1940, Moscow, St. Petersburg, Institut Rossijskoj istorii RAN, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015, 384 p.

EVACUATION OF CHILDREN FROM BASHKIRIA IN 1921–1922s

© **Sh.N. Isyangulov**

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature –
Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
71, prospekt Oktyabrya, 450054, Ufa, Russian Federation

The article deals with the problem of evacuation of children from Ufa province and Little Bashkiria to other regions of the country during the famine of 1921–1922. The issue of re-evacuation of children to the republic is not affected. An analysis of the scientific literature has shown that there are three points of view in historiography regarding the number of evacuated children during this period. At the same time, the number of 11,859 people most often appeared in the sources. Taking into account the missing persons, more than 13 thousand children were evacuated in total. The evacuation took place in two stages: in September 1921 – January 1922, after which it was suspended due to lack of funds, then resumed in May 1922. On June 4, 1922, the evacuation of children was completely stopped on the instructions of Moscow. The geography of the destinations of the evacuated children was diverse. In the autumn of 1921, children were sent to Siberia, the Far East, the Middle Urals, Transcaucasia, Turkestan. Since December 1921, the western direction of evacuation began to dominate (Ukraine, Belarus, western provinces of Russia). Evacuation of children was associated with many organizational, financial, logistical, transport and other problems. The lack of clothing, shoes, uniforms, food restrained this process, led to a large morbidity and mortality of children on the way, especially in the initial period. In most cases, nothing was prepared at the arrival points for the reception of children. The plight of the evacuated children was noted in Pskov, Smolensk, Altai provinces, Chernihov, Turkestan, Batum, Tiflis. In Siberia and the western provinces, evacuated children were often distributed to peasants. In particular, in the Pskov province, children were forcibly distributed to peasants without any distinction of gender, age and nationality for a certain and indefinite period, only sometimes under contracts. The children evacuated to the Far Eastern Republic were in the best situation. In general, the arrangement of children's life in a new place was fraught with many difficulties.

Key words: evacuation, famine, children, Ufa province, Little Bashkiria.